

хабеддина, родился въ 806 году магометанскаго лѣтосчисления (1388 г.) въ мѣстности Багестанъ, находившейся въ то время недалеко отъ Ташкента, и жилъ въ мѣстности Шашъ, которой управлялъ его же отецъ Махмудъ. По окончаніи курса наукъ въ Ташкентѣ, онъ съ цѣлью путешествія отправился въ Бухару и Самаркандъ, гдѣ слушалъ лекціи известныхъ въ исторіи ученыхъ: Бахаэддина, Касима Энваръ, Шарафеддина, Серраджедина, Хусамеддина Халида Шаши и, наконецъ, поселился въ Самаркандѣ и пользовался уваженіемъ ученаго Якуба Чирахи. Въ это самое время сынъ Темурлана Шахрухъ Мирза и Бабиръ Шахъ, во главѣ ста тысячной арміи, выступили изъ Хорасана и осадили Самаркандъ. Солтанъ Абу-Сайдъ, который былъ тогда правителемъ города, встревоженный подобнымъ нашествіемъ, отправился къ ученому Хадже Ахрару и объявилъ ему, что онъ не въ состояніи сразиться съ Бабиръ Шахомъ и Шахрухъ Мирзою, а потому желаетъ покинуть городъ; но Хадже Ахраръ связалъ ему, „если ты останешься въ городъ, то непременно побѣдишь своихъ враговъ“. Вовны и приверженцы Солтанъ Абу-Саида, узнавъ объ этомъ, выразили свое неудовольствіе и сказали, что Хадже Ахраръ своимъ совѣтомъ желаетъ подвергнуть всѣхъ гибели. Такъ какъ въ тому же времени Халиль-Хинду, командовавший войсками Бабиръ Шаха уже приступилъ къ Самарканду, то Солтанъ Абу-Сайдъ съ малочисленнымъ войскомъ встрѣтилъ ихъ и послѣ непродолжительнаго сраженія самъ Халиль-Хинду и часть его войска попали въ плѣнъ, и тѣмъ прекратилась война. Съ другой же стороны часть арміи Бабиръ Шаха

погибла отъ холеры, свирѣпствовавшей тогда въ Самаркандѣ. Бабиръ-Шахъ вслѣдствіе такой неудачи отправилъ одного изъ представителей духовенства Самарканда въ Хадже Ахрару для переговоровъ о заключеніи мира, по заключеніи котораго Бабиръ-Шаха и Шахрухъ Мирза вернулись обратно. Послѣ этаго событія Хадже Ахраръ приобрѣлъ большую популярность и народъ сталъ почитать его, какъ вдохновеннаго человѣка. Онъ умеръ въ 895 году гиджри въ Самаркандѣ, гдѣ и понынѣ находится его гробница“.

Изъ приведенной біографіи Хадже Ахрара можно заключить, что г. Ташкентъ существовалъ еще раньше царства Темурлана, но когда и кѣмъ онъ основанъ у насъ не мѣется пока историческихъ данныхъ. Ученый Хадже Ахраръ известенъ почти всѣмъ туземцамъ Стараго Ташкента, вслѣдствіе построенной имъ мечети, находящейся около базара.

Мухтаръ-Бекъ Насирбековъ.

Особенности русско-туземныхъ школъ.

Однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для сближенія покоренныхъ инородцевъ съ русскими и для поднятія ихъ умственнаго и нравственнаго уровня до той степени, при которой возможно воспріятіе европейской цивилизаціи—первымъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ и его преемниками была признана школа, на которую и была возложена надежда „духовнаго завоеванія“ края. Въ виду такихъ взглядовъ, забота о начальномъ образованіи инородцевъ занимала видное и почетное мѣсто среди

другихъ заботъ по устройству вновь покореннаго края и, если осуществлялась сравнительно медленно, то въ этомъ были виноваты требованія, предъявляемая къ этимъ школамъ и вытекающія отсюда особенности ихъ, ослеснявшія дѣло и требовавшія детальной, осторожной разработки вопроса о начальномъ образованіи инородцевъ при помощи государственнаго языка. Попытки осуществить намѣченную цѣль въ отношеніи инородческаго образованія можно видѣть уже въ 1860 г., когда въ Перовскѣ и Казалинскѣ были открыты священниками двѣ школы, вскорѣ же (1863—65 г.г.) замѣнныя киргизскими школами, въ которыхъ учителями, за неимѣніемъ подготовленныхъ къ этому дѣлу лицъ, состояли тамошніе переводчики. Несмотря на узость учебнаго курса этихъ школъ, ограниченнаго самымъ необходимымъ, положеніе учебнаго дѣла въ нихъ было очень жалкое, что вскорѣ же и обратило на себя вниманіе генералъ-губернатора, по инициативѣ котораго была собрана особая коммиссія, которая должна была выработать принципы начальнаго образованія инородцевъ, выяснитъ ближайшія задачи русской школы для инородцевъ и средства къ болѣе успѣшному процвѣтанію ихъ. Кромѣ того, по этому вопросу велась обширная переписка съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и съ дѣятелемъ по инородческому образованію въ Казанскомъ краѣ Н. И. Ильминскимъ, идеи котораго были признаны непригодными для Туркестанскаго края и роль котораго, какъ участника въ разработкѣ инородческаго вопроса въ нашемъ краѣ, выразилась въ по-

данныхъ имъ запискахъ и въ рекомендаціи руководителей новаго школьнаго дѣла.

При дѣятельномъ участіи самаго инициатора коммиссіи К. П. фонъ-Кауфмана былъ выработанъ основной принципъ отношенія русской власти къ мусульманству, ближе всѣхъ другихъ касающійся школы,—это полное невмѣшательство въ религіозную жизнь мусульманина. Въ силу

такого принципа въ русско-туземной школѣ вмѣстѣ съ русскимъ учителемъ работаетъ и туземный, а собственно—туземныя школы (мактабы и мадраса), какъ учрежденія, тѣсно связанныя съ религіозными воззрѣніями мусульманина, были предоставлены своему естественному развитію, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннюю жизнь русской власти, роль которой ограничивалась внѣшнимъ надзоромъ за этими школами. Такой взглядъ на мусульманскія школы съ небольшимъ перерывомъ (съ 1889 г. до 1896 г. существовала особая инспекція для завѣдыванія мусульманскими школами, не давшая никакихъ положительныхъ результатовъ) былъ господствующимъ и остается таковымъ до сихъ поръ, такъ какъ коммиссія по инородческому образованію, собранная подъ предѣтельствомъ А. С. Будиловича въ 1905 году, вопросъ объ институтѣ инспекторовъ мусульманскихъ школъ для лучшаго ихъ развитія и выведенія ихъ изъ теперешняго замкнутаго, схоластическо-религіознаго духа, оставила почти открытымъ. Въ отношеніи же просвѣщенія инородцевъ при помощи русскаго языка на первыхъ порахъ дѣло ограничивалось только приѣмомъ въ русскія школы

дѣтей инородцевъ, открытіемъ интернатовъ при городскихъ училищахъ и пр., только въ 1884 г. При генераль-губернаторѣ Н. О. Розенбахѣ въ г. Ташкентѣ была открыта первая русско-туземная школа, куда въ количествѣ 39 чело-вѣкъ поступили дѣти вліятель-ныхъ лицъ и, учителемъ которой состоялъ знатокъ быта и языка сартовъ—Наливкинъ, пользовав-шійся и авторитетомъ и довѣ-ріемъ среди туземцевъ, отпра-вившихъ дѣтей въ его школу. Затѣмъ и въ другихъ городахъ, а также и кишлакахъ постепенно стали открываться русско-туземныя школы, которыя въ началѣ сво-его существованія находились въ довольно печальномъ состояніи, что объясняется недозвѣрчивымъ отношеніемъ туземнаго населенія къ вновь открываемымъ школамъ. Туземцы боялись отдавать ту-да своихъ дѣтей, такъ какъ подобная милость со стороны рус-скихъ связывалась въ ихъ пред-ставленіи съ посягательствомъ на религіозныя воззрѣнія ихъ дѣтей въ настоящемъ и съ военной службой въ будущемъ; такой взглядъ можно было предугадать заранѣе, такъ какъ всякая новиз-на, а тѣмъ болѣе не сопряжен-ная съ затратами, заставляеть невѣжественнаго чело-вѣка пред-полагать скрывающійся за ней подвохъ, какую-нибудь заднюю цѣль и пр. Это именно и привело покойнаго К. П. Кауфмана къ выводу, что для туземца „русская школа надолго, быть можетъ, на-всегда останется несочувствен-ной“; этотъ выводъ, къ счастью, оказался ошибочнымъ: боязливое отношеніе туземца начало исче-зать сравнительно быстро, когда о б н а р у ж и л а с ь послѣдующей жизнью этихъ школъ несостоя-

тельность его выводовъ и выяс-нилась выгода знанія русскаго языка, что туземцу, какъ чело-вѣку простому, скорѣе всего бро-силось въ глаза и что располо-жило его до нѣкоторой степени къ русско-туземнымъ школамъ, къ торыхъ въ 1907 г. въ Туркестан-скомъ краѣ было 83 съ 2700 уча-щимися. (Имѣющіеся же въ гор. Ташкентѣ шесть одноклассныхъ школъ (седьмая русско-татарская) и одна 2-классная начинаютъ те-перь свои занятія при полномъ, чаще болѣе въ той или иной степени, количествѣ учащихся, такъ что ощущается потребность въ открытіи, если не новыхъ, то параллельныхъ классовъ при нѣко-торыхъ русско-туземныхъ школахъ (наприм.—при 2-классномъ учи-лищѣ). Русско-туземныя школы стараго города распредѣлены въ немъ слѣдующимъ образомъ: въ Шейхантаурской части три шко-лы, въ Себзарской—двѣ и въ Кук-чинской и Бешъ-Агачской по одной школь.

Задача русско-туземнаго учи-лица состоитъ въ томъ, чтобы во-первыхъ, научить дѣтей раз-говорному русскому языку, чте-нію и пиcью по-русски, счисле-нію и сообщить имъ нѣкоторыя географическія и историческія свѣдѣнія, а во-вторыхъ, ознако-мить дѣтей съ родной грамотой и дать имъ начатки мусульман-скаго вѣроученія. Изъ такимъ об-разомъ поставленной задачи воз-никаетъ основная особенность русско-туземной школы,—это рус-скій классъ съ однимъ (какъ бы-ло раньше и теперь имѣетъ мѣ-сто въ Ташкентѣ только въ двухъ школахъ) или двумя рус-скими учителями и туземный классъ, занятія въ которомъ ве-дуться образованнымъ туземцемъ,

прошедшимъ нѣсколько курсовъ малраса и иногда еще продолжающимъ слушаніе тамъ лекцій. Туземный учитель обыкновенно рекомендуется почетными туземцами той части города, гдѣ находится школа и затѣмъ утверждается мѣстнымъ начальствомъ. Выборъ въ большіе ствѣ случаевъ бываетъ хорошъ по своей тщательности, соответствующій тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются туземному учителю и работѣ его въ своемъ классѣ, которая оплачивается скудно: онъ получаетъ всего 20 руб. въ мѣсяць, что заставляетъ его подыскивать, несмотря на ограниченность своихъ потребностей, побочные заработковъ. На обязанности такого „дамуллы“ лежитъ веденіе дѣла въ туземномъ классѣ, представляющемъ изъ себя улучшенный мактабъ. Даже внѣшній видъ туземнаго класса напоминаетъ до нѣкоторой степени мактабъ: ученики сидятъ на устланномъ кошами полу и читаютъ и пишутъ на скамьяхъ. Улучшеніе мактаба въ этомъ классѣ видно въ томъ отношеніи, что авбука, проходящая по специальному учебнику „Устоиди-авваль“ или „Адиби-авваль“ изучается по звуковой методѣ (а, б и пр. вмѣсто алифъ, би и пр.) и, кромѣ того, послѣ букваря приступаютъ къ вполне уже сознательному чтенію по хрестоматіи Калинина, гдѣ вмѣстѣ съ легкими разсказами, въ своемъ мѣстѣ, помѣщены и дѣловыя статьи, знакомящія дѣтей съ животнымъ и растительнымъ міромъ, дающія имъ географическія, историческія и др. свѣдѣнія. Всѣ разсказы и дѣловыя статьи прочитываются учащимися осмысленно, что представляетъ также крупный шагъ впередъ. Кромѣ

хрестоматіи, въ туземномъ классѣ читаются и проходятся слѣдующія книги: „Мухамматъ-и-динъ“ (вѣра Магомета, исторія челоуѣчества до Магомета); „Таджвидъ“ — книга-пособіе при чтеніи Корана: она знакомитъ учениковъ съ фонетикой арабскихъ звуковъ, измѣняющихся подъ вліяніемъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ при буквѣхъ; — „Хафтіякъ“ (седьмая часть Корана), въ которомъ сгруппировано все необхо-

димонужное всякому правовѣрному и, наконецъ, „священный Коранъ“. Все недостающее дамулла долженъ дополнить самъ въ беседахъ съ учениками, что усугубляетъ строгость выбора туземцами новаго учителя и заставляетъ ихъ предпочитать лицъ, достигшихъ уже солиднаго возраста. При меньшемъ (сравнительно съ мактабомъ) учебномъ времени туземный учитель, занимаясь съ совершенно-неграмотными дѣтьми, достигаетъ почти одинаковыхъ (въ смыслѣ учебнаго курса) съ мактабомъ результатовъ и лучшихъ при болѣе ея сознательности учащихся и меньшей съ ихъ стороны зубрежки.

Обнаруженію такого превосходства въ сильной степени мѣшаетъ то обстоятельство, что добрая половина учащихся въ туземномъ классѣ раньше уже училась въ мактабѣ, такъ что отдѣленія русскаго учителя часто не совпадаютъ съ отдѣленіями туземнаго; ученикъ, считающійся въ русскомъ классѣ въ I отдѣленіи у туземнаго учителя можетъ быть во второмъ, а иногда и третьемъ отдѣленіи. Но нельзя думать, чтобы даже и при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, преимущества новыхъ методовъ преподаванія прошли незамѣченными для учи-

телей мѣста; можно, думается, увѣренно предположить, что видную роль въ прохожденіи хотя бы азбуки по звуковому методу, введенному въ нѣкоторыхъ мактабахъ, сыграла мусульманскій классъ русско-туземнаго училища. Можно даже это предположеніе перенести и на вновь открытую на частныя (купеческія) средства туземную школу подъ руководствомъ Мунавара-Кары, которая, кажется, еще официально не утверждена, что, конечно, при отсутствіи вредныхъ тенденцій, не замедлитъ послѣдовать. Такая школа, какъ большой шагъ впередъ, безусловно желательна, такъ какъ въ ней туземцы хотятъ применить новые методы преподаванія (нѣкоторые туземные учителя зовутъ ее „Уссули-джадидъ“, вольный переводъ чего будетъ — „ново-методная“) при наличности различныхъ пособій (карты, рисунковъ, картинъ и пр.), недостаткомъ которыхъ собственно сартовскаго изданія будетъ на первыхъ порахъ очень ощутителенъ.

Курсъ мусульманскаго класса русско-туземныхъ училищъ, какъ и курсъ русскаго распадается на четыре года.

Русскій классъ имѣетъ такую программу по русскому языку (программа по ар. метрич. одинакова съ русскими одноклассными училищами): въ первый годъ и въ первую половину втораго года съ учениками разучивается около 750—800 русскихъ словъ, относящихся къ окружающей обстановкѣ учащихся: обстановка класса, дома, двора, сада, огорода и поля, попутно съ каковыми предлагаются слова, знакомящія учениковъ съ членами семьи, описывающія части тѣла человѣка, животныхъ и птицъ, дающія по-

нятія о базарѣ, мастерскихъ и, наконецъ, о временахъ года.

Во время прохожденія словъ съ учениками прочитывается цѣлый рядъ упражненій и легкихъ статей, содержаніе которыхъ по вопросамъ учителя передается учениками. Эти статейки готовятъ учениковъ къ слѣдующему курсу (вторая половина втораго года и третій годъ), гдѣ предлагаются для чтенія большіе рассказы и дѣловыя статьи. Въ 4-ый годъ программа заканчивается сообщеніемъ ученикамъ важнѣйшихъ историческихъ событій, краткихъ географическихъ данныхъ вообще и болѣе обширныхъ, касающихся Туркестанскаго края. Преподаваніе русскаго языка въ русско-туземныхъ училищахъ ведется по такъ называемому наглядному (естественному) методу, преимущества котораго предъ другими методами изученія иностранныхъ языковъ (главнымъ образомъ передъ переводнымъ) были долгое время спорными и который теперь, если и вызываетъ возраженія, то не самой своей сущностью, а способомъ его примененія при преподаваніи, различающемся ролью наглядныхъ пособій, участіемъ родного языка

при обученіи иностранному языку и пр.

Въ нашихъ русско-туземныхъ школахъ родной языкъ учащихся играетъ прозвѣсточную роль: когда у учителя является сомнѣніе въ правильности усвоенія извѣстнаго понятія, что часто случается при усвоеніи нѣкоторыхъ отрѣченныхъ понятій, онъ для проверки такого впечатлѣнія обращается къ родному языку.

Мѣстное учебное начальство относится къ этому явленію со

чувственно, что видно, наприм., изъ предложенія инспектора на родныхъ училищъ Сыръ-дарьинской обл., рекомендовавшаго въ прошломъ учебномъ году пере-сказъ учениками разумной статьи на родномъ ихъ языкѣ. Благодаря такой постановкѣ дѣла, въ русско-туземныхъ школахъ избѣгается такъ е нежелательное явленіе, какъ передача на урокъ крика животныхъ, птицъ и мног. др., которое имѣетъ мѣсто при нѣкоторыхъ другихъ способахъ примѣненія естественнаго метода. Изученіе же русскаго языка нагяднымъ методомъ имѣетъ за собою большія преимущества предъ другими; прежде всего—русскій языкъ, какъ живой языкъ, безусловно цѣлесообразнѣе проходить при помощи фразъ и разговоровъ на немъ, чѣмъ облегчается дальнѣйшій успѣхъ въ развитіи учащагося и послѣдующее примѣненіе этого языка въ различныхъ сношеніяхъ съ русскими. Затѣмъ, при изученіи русскаго языка помощью нагляднаго метода проявляется активная память и таковое же вниманіе ученика, наличность которыхъ и обуславливаетъ успѣхъ этого метода. Благотворное же вліяніе этихъ качествъ на развитіе учащагося по своей очевидности является общепризнаннымъ и къ поддержанію ихъ въ классѣ стремится всякій учитель, и въ особенности учитель русско-туземнаго училища. Этимъ и объясняется то, что во время мусульманскаго поста уроки устраиваются к роче часовыхъ; во время самого урока часто бываетъ перерывъ, во время котораго производится простая гимнастика, хоровое чтеніе разученныхъ стихотвореній за отсутствіемъ пѣнія

въ русско-туземныхъ училищъ хъ въ силу своеобразнаго взгляда туземца на пѣніе, не допускающаго атотъ предметъ въ число учебныхъ предметовъ школьнаго курса. Изъ того, что въ ученикѣ во время разучиванія словъ работаетъ активная память, уже само собой понятно, что пассивной, опирающейся на зубрежку, памяти не можетъ быть мѣста въ русскомъ классѣ (наличность которой, наприм., при переводномъ методѣ нельзя отрицать), а это служить также большимъ плюсомъ въ пользу нагляднаго метода. 3.

Мелкія фермерскія хозяйства въ Туркестанѣ.

Ст. гр. Головина.

Мы привыкли всегда слышать, что сельско-хозяйственная культурность кореннаго населенія Туркестана настолько выше культурности нашего русскаго земледѣльца, что учить туземца хозяйству нимъ не приходится. Съ одной стороны такое мнѣніе, пожалуй, и правильно, если дѣлать это сопоставленіе, а если учить вздумаютъ люди совершенно незнакомые съ враемъ и съ исключительной его культурой. Однако теперь, когда Туркестанъ заселяется все болѣе и болѣе русскими переселенцами и, въ большинствѣ случаевъ, изъ наихудшаго земледѣльческаго элемента, нельзя поручать ихъ сельско-хозяйственное просвѣщеніе такимъ учителямъ какъ туземные земледѣльцы, которые въ дѣйствительности знаютъ хорошо только техническую сторону обработки тѣхъ продуктовъ, которые имѣли и имѣютъ постоянный спросъ въ невзвѣдливомъ ихъ обиходѣ. Что же касается культу-

чемъ и послѣднимъ въ исламѣ живетъ не хуже, чѣмъ гдѣ либо.

Можно поставить относительно ислама два вопроса: 1) внесъ ли что новаго исламъ въ сокровищницу человѣческой мысли, чувствъ, религиозныхъ интуицій? На это нужно отвѣтить: нѣтъ, не внесъ ничего цѣннаго. 2) Способна ли эта религія къ дѣльнѣйшему развитію и распространенію? Исторія отвѣчаетъ намъ, что способна не менѣе всякой другої религіи. Она можетъ ассимилировать все цѣнное, что есть въ другихъ религіяхъ, и въ этомъ вѣрный залогъ ея развитія и прогресса.

«М.»

С. Поварнинъ.

Зрѣлый вопросъ русско-туземныхъ школъ.

Статья Гр. Андреева.

Ревизія русско-туземн. школъ и открытія новометодныхъ мектабовъ послужили поводомъ къ тому, что вопросъ о русско-туземн. школахъ, которымъ такъ мало интересовались прежде, сталъ часто затрагиваться въ мѣстныхъ органахъ печати.

Реформаторъ современнаго типа русско-туземныхъ школъ, С. М. Граменицкій, въ статьѣ своей: „Краткая историческая записка объ устройствѣ инородческаго образованія въ Туркестанѣ“, а впоследствии въ отдѣльной брошюрѣ, далъ полное изложеніе историческаго развитія русско-туземныхъ школъ до настоящаго времени со всеми происходившими въ нихъ измѣненіями и улучшеніями, а о мусульманскихъ мектабахъ стараго типа и вновь открываемыхъ новометодныхъ, выразился принципомъ полнаго невмѣшательства, которое не-

уклонно велось инспекціей до сихъ поръ. Этимъ послѣднимъ заключеніемъ С. М. Граменицкій поставилъ вѣскую фактическую оппозицію противоположн. взглядамъ бывшаго инспектора Уфимской губерніи г. Горячкина, ревизовавшаго наши русско-туземныя и мусульманскія школы, и собравшаго богатый матеріалъ о вредныхъ тенденціяхъ послѣднихъ, которыя и желаетъ подчинить вѣдѣнію особаго инспектора. Свой интересный матеріалъ г. Горячкинъ будетъ печатать въ январѣ на страницахъ „Туркестанскаго Курьера“.

Кромѣ того, г. Зуевъ въ „особенностяхъ русско-туземныхъ школъ“ привелъ отличія русскихъ школъ отъ туземныхъ. Говоря, вообще, о русско-туземныхъ школахъ, г. Зуевъ не упоминаетъ о провинціальныхъ и русско-киргизскихъ школахъ съ интернатами, характерныя отличія коихъ отъ школъ ст. Ташкента, наложили особенный колоритъ на системы преподаванія и воспитанія. Ошибочное же обобщеніе новаго метода всѣмъ мусульманскимъ классамъ тогда, какъ новый методъ введенъ только въ ташкентскихъ и лишь въ немногихъ руководствуются азбукой Саидъ-Расуля и христоматіей Калинина, а въ остальныхъ обученіе идетъ по старому — „книгамъ грамоты“ (саводъ китабъ), упу-

щеніе свѣдѣній о вечернихъ курсахъ въ этихъ школахъ грамоты, полнѣйшее игнорированіе назрѣвшими нуждами школъ, — даетъ намъ право сказать, что г. Зуевъ имѣлъ въ своемъ очеркѣ только русско-туземныя школы ст. Ташкента, гдѣ въ одной изъ нихъ троелужилъ учителемъ 16 мѣся-

цевъ. Въ такомъ блѣдномъ по верхностномъ изложеніи статьи г. Зуева строго судить нельзя, такъ какъ онъ мало прослужилъ учителемъ и притомъ, въ одной школѣ и, вообще, плохо знакомъ съ мусульманствомъ и нуждами русско-туземныхъ школъ, тѣмъ болѣе, кажется, что г. Зуевъ настоящей статьёй лишь хотѣлъ познакомить читателей, совершенно неосвѣдомленныхъ съ „особенностями“ русско-туземныхъ школъ ст. Ташкента.

Недочеты нашихъ туземныхъ школъ и ихъ назрѣвшія нужды, широкое распространеніе старомодныхъ и новометодныхъ мектабовъ, ихъ вліяніе на киргизъ и „сартванье“ послѣднихъ, серьезная необходимость скорѣе придти на помощь образованію темной массы киргизъ, побудила меня сказать нѣсколько словъ.

Въ настоящей статьѣ я буду руководствоваться не только личными убѣжденіями, какъ русско-туземнаго учителя, прослужившаго 4 года въ нѣсколькихъ школахъ ст. Ташкента и провинціальныхъ, кромѣ того, прошедшаго мектабъ стараго типа и нѣкоторое время учившагося въ мадресѣ, но и мнѣніями близкихъ родственниковъ, считавшихъ свою учительскую дѣятельность десятками лѣтъ, товарищей, въ тѣсномъ знакомствѣ съ которыми, въ перепискѣ и помощи мнѣ матеріальными данными, я могъ составить безпристрастный взглядъ на русско-туземную школу.]

Отношеніе сартовъ къ русско-туземной школѣ можно видѣть только изъ внутренняго ихъ склада жизни.

Будучи народомъ, тѣсно замурованнымъ въ рамки религіи, вы-

выражавшейся иногда въ остромъ нетерпимомъ фанатизмѣ къ русскимъ, сарты, несмотря на то, что давно убѣдились въ неослабительствѣ русской школы, открываемой для нихъ правительствомъ, но ихъ внутреннія убѣжденія, съ неохотой отдають въ нее своихъ дѣтей. И если бы не крайняя необходимость знанія государственнаго русскаго языка въ общеніи съ русскими и въ главномъ занятіи сартовъ — торговли, они бы совсѣмъ постарались избѣгать ее. Какъ народъ чрезвычайно практичный, сарты, во всемъ послѣ религіи, поступаютъ согласно своимъ торговымъ идеаламъ, почему и видятъ въ русской школѣ учительницу лишь того, что имъ нужно въ торговыхъ дѣлахъ: писать телеграммы, адреса, счета, прошенія, знать хорошо устный и письменный счетъ, и разговорный языкъ. Научить этому несложному искусству своего сына, сартъ рѣшится только тогда, когда убѣдится, что сынъ его совсѣмъ отбился отъ рукъ — плохо учится въ мектабѣ и не хорошо ведетъ себя дома, — вотъ тогда, сартъ отдастъ его въ русско-туземную школу. Избавившись, такимъ образомъ, отъ надоевшаго ему дѣтища, отецъ мало обращаетъ вниманія на его ученіе. Такое безразличное отношеніе родителей къ школѣ и самый контингентъ учащихся — неспособныхъ, малоразвитыхъ и, подчасъ, совершенно нравственно испорченныхъ, безусловно не можетъ не отразиться на ходѣ занятій въ школѣ. Дѣти, видя безразличіе своихъ родителей, массами пропускають уроки и буквально ничего не дѣлають дома. Проучивъ

такъ годъ или два, отецъ ученика, какъ только представится ему удобный случай пристроить мальчика или посадить въ лавку, беретъ его изъ школы. При тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя возможны въ теченіе двухъ лѣтъ при двухчасовомъ занятіи съ русскимъ учителемъ, причеиъ часъ тратится на письменныя работы, часъ на устныя упражненія въ русскомъ языкѣ и счетѣ, при каникулахъ, православныхъ и мусульманскихъ праздникахъ, массовыхъ пропускахъ занятій, — ученикъ еле-еле бредетъ по пройденнымъ урокамъ и изучается лишь немногимъ русскимъ словамъ. Все это безслѣдно исчезаетъ потомъ въ жизни, если мальчикъ не будетъ имѣть частаго общенія съ русскими.

Можно только поражаться, при осмотрѣ класснаго журнала школы, видя, какъ много перебиваетъ въ году учащихся въ первомъ отдѣленіи, а къ концу учебнаго курса составъ учащихся мѣняется нѣсколько разъ. Часто случается, что учитель, замѣтя способнаго мальчика, обращает на него особенное вниманіе и какъ только при стараніи учителя, онъ начнетъ оказывать хорошіе успѣхи, является отецъ его и изъпустой причины беретъ сына изъ школы. Чуть ли не со слезами отдастъ учитель такого ученика, который, опять возвращаясь въ родную среду, позабудетъ то, что далъ ему учитель съ большимъ трудомъ. Конечно, такой напрасный, безцѣльный трудъ не можетъ не подѣйствовать на продуктивную работоспособность учителя, тѣмъ болѣе, что такихъ фактовъ въ году насчитывается не одинъ.

Кончившіе курсъ русско-туземныхъ училищъ, въ среднемъ которыхъ на школу стар. Ташкента падаетъ 4—5 учениковъ въ годъ, немного изучаются счету, письму и разговору. Также при не соединеніи съ русскими и отсутствіи практики въ разговорномъ языкѣ, у такого юноши, подъ конецъ, остаются жадкіе обрывки знанія русскаго языка. Лишь за весьма рѣдкими исключеніями, получившіе свидѣтельство объ окончаніи русско-туземной школы, полавъ въ среду русскихъ при помощи практики въ разговорѣ, поступаютъ въ переводчики, приказчики или утилизируютъ знанія русскаго языка въ торговыхъ операціяхъ съ русскими.

Основанное въ 1905 г., въ помощь русско-туземнымъ школамъ, ташкентское 2-хъ классное русско-туземное училище съ шестилѣтнимъ курсомъ при порядочной постановкѣ дѣла, сейчасъ переполнено въ младшихъ классахъ, но въ старшихъ ощущается большій недостатокъ учащихся. Выпускаютъ не болѣе 6—7 учениковъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ поступаютъ въ городскія училища, но влѣдствіе формы одежды, а также руководствуясь главнымъ образомъ, торговыми дѣлами, при удобномъ случаѣ выбываютъ изъ училища не доходя до старшихъ классовъ.

Въ провинціяхъ, гдѣ школы значительно слабѣе, такъ какъ удалены отъ центра, влѣдствіе невѣжества жителей кишлаковъ, а также не четырехлѣтняго курса, какъ въ школахъ Ташкента, а трехлѣтняго, выпусковъ иногда не бываетъ по

цѣлымъ годамъ и не болѣе 1 — 2 учениковъ. Знаній, конечно, выносятся и того меньше. Во многихъ кишлакахъ, гдѣ населеніе всегда болѣе фанатичнѣе и не терпимѣе къ русскимъ, мектабы создаютъ большую конкуренцію русско-туземнымъ школамъ. Это можно видѣть изъ исторіи меркенской русско-туземной школы.

Въ Меркѣ, гдѣ мектабовъ до 8 и въ нихъ, среднимъ числомъ, учится до 400 дѣтей, издавна существуетъ русско-туземная школа, насчитывающая до 20 учащихся, треть которыхъ составляютъ близко живущіе къ кишлаку киргизы. Игнорированіе населеніемъ русской школы, вывело изъ терпѣнія много лѣтъ служившаго здѣсь учителя, и онъ перевелся въ другую школу. На его мѣсто попалъ молодой, энергичный учитель, близко знакомый съ мусульманствомъ, который не только ревностно относился къ нуждамъ школы, но даже самъ всегда просилъ сартовъ отдавать своихъ дѣтей учиться, приглашалъ родителей ихъ присутствовать на занятіяхъ, старался показать имъ всю пользу русскаго обученія, и при неаккуратномъ посѣщеніи учениками школы, самъ рано утромъ собиралъ ихъ. Результаты школы за годъ, сами сарты не могли не оцѣнить. Но это не прибавило учениковъ русскому учителю. На другой годъ, когда прибылъ въ Мерку одинъ ученый кашгарскій сартъ, открывшій здѣсь мектабъ и убѣдившій родителей, учившихъ своихъ дѣтей въ русско-туземной школѣ, отдать ихъ ему, а не „кафиру“, въ школѣ остались только ученики-киргизы. По поводу этого прискорбнаго

факта послѣдовало объясненіе учителя съ населеніемъ, которому онъ заявилъ, что цѣнить только пользу школы и, если, почему-либо онъ не нравится населенію и тѣмъ служить пріятельствомъ къ убыли учащихся, то, не желая этимъ нанести ущербъ школѣ, онъ лучше уйдетъ изъ нея. На это населеніе кишлака уклончиво высказалось, что учителемъ они довольны, но хорошо было бы если бы онъ меньше обращалъ вниманія на свою школу... Учитель не довольствовался этимъ. Нѣсколько разъ говорилъ онъ съ кашгарскимъ муллою, стараясь обюднымъ соглашеніемъ покончить это дѣло, но когда убѣдился, что переговоры эти не приведутъ ни къ чему, то долженъ былъ обратиться къ помощи администраціи, такъ какъ у его конкурента не только не было свидѣтельства на открытіе мектаба, но и вида на жительство. Населеніе приняло сторону мусульманина, и между нимъ и учителемъ произошли настолько крупныя недоразумѣнія, что дѣло дошло до суда...

Учитель перевелся. Вмѣсто него назначенъ молодой учитель, довольствующійся тѣми учениками, которые привелъ съ собой, новоизбранный его предшественникомъ, туземный учитель, содержащій мектабъ въ количествѣ 20 дѣтей. Но стоило только туземному „домуллѣ“, чѣмъ-то недовольному, самовольно уйти изъ школы, какъ и все его ученики потянулись за нимъ и школа осталась безъ одного ученика. Лишь при урегулированіи матеріальныхъ нуждъ „домуллы“ съ трудомъ вернули его въ школу вмѣстѣ съ учениками.

А вотъ, что сказала въ бесѣдѣ

съ покойнымъ Н. А. Воскресенскимъ одинъ русско-туземный учитель, много лѣтъ прослужившій въ кишлакѣ; „дѣтей за годъ перебиваетъ въ первомъ отдѣленіи до 30, а кончаютъ курсъ въ нѣсколько лѣтъ 2—3 человека. Велѣдствіе пропуска уроковъ, ничего недѣланія дома, а въ школь дѣленія курса на двое, мальчикъ слишкомъ мало чему научается и его счастье, если онъ будетъ жити между русскими, иначе все приобрѣтенное скоро позабудется“ И съ грустью добавилъ въ концѣ „если бы не мое личное убѣжденіе, что въ громадномъ кишлакѣ гдѣ нѣтъ никого изъ русскихъ необходимо намъ представителю а моя небольшая услуга учительствомъ, надѣюсь, послужить, впоследствии, нѣкоторымъ основаніемъ для будущаго,—я бросилъ бы учительство“.

Ревизовавшій русско-туземныя школы, г. Горячкинъ, въ бесѣдѣ со мной, высказалъ, что ученики слишкомъ мало развиты.

На ряду съ русско-туземными школами возникаетъ сейчасъ новометодный мектабъ съ обученіемъ грамотѣ, элементарному курсу наукъ и гражданственности на сарговекомъ языкѣ. Особенно обращено вниманіе на развитіе національнаго чувства. Така школа, инициаторамъ которой были татары, въ короткое время сыскала себѣ симпатіи населенія, и въ одномъ Кокандѣ сейчасъ такихъ школъ открылось до 20 съ платою отъ 1 до 5 руб. Учащихся въ каждой школь не менѣе 100 человекъ; между тѣмъ, какъ циркулирующая здѣсь русско-туземная школа насчитываетъ у себя, въ среднемъ, до 30

дѣтей. Если же учителя новометодныхъ школъ введутъ въ курсъ обученія русскій языкъ, что, на вѣрное, скоро и последуетъ, то можно сказать, что судьба нашихъ школъ будетъ очень печально, особенно въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, гдѣ школы поставлены очень плохо — сплошь и рядомъ назначаютъ русско-туземными учителями окончившихъ городскія училища, а атисульманское образованіе, на о муотъ, очень хорошо. Это обстоятельство особенное вниманіе г. Горячкина.

Будучи вполне солидарны съ принципомъ С. М. Граменицкаго — полного невмѣшательства въ дѣла мусульманскихъ школъ *), такъ

какъ тѣмъ самимъ инспекція подорвала бы престижъ русско-туземной школы и лишь оттолкнула бы населеніе отъ нихъ; необходимо настоящую русско-туземную школу поставить настолько хорошо, чтобы она своей рациональной постановкой дѣла и пользой, приносимой населенію, не только снискала бы любовь и довѣріе, а стала бы твердымъ оплотомъ государственности и гражданственности, и чтобы, въ концѣ концовъ, новометодные мектабы сами обратились бы къ ея помощи.

А для этого, необходимо обратить особенное вниманіе на внутреннюю организацію русско-туземныхъ школъ. Вѣдь если отнять изъ общаго числа учебныхъ

*) Административный надзоръ за новометодными мектабами, какъ и пишетъ С. М.

Граменицкій, конечно, необходимо. Въ рѣдкихъ мектабахъ стараго и новаго типа учителя знаютъ, какъ зовутъ Государя Императора, въ какомъ отечествѣ онъ живетъ и проч.

дней 4-лѣтняго курса ежедневныя двухчасовыя занятія съ туземнымъ учителемъ, то получится не 4, а 2 года русскихъ; вычтя изъ нихъ каникулы, православныя и мусульманскіе праздники съ многочисленными пропусками уроковъ, едва ли останется годъ для обученія рускому языку, письму и счету при сферѣ, въ которой живетъ ученикъ-сартъ. И если русскіе учителя жалуются на 3-лѣтній курсъ, послѣ котораго ученикъ скоро забываетъ приобрѣтенныя знанія и даже разучивается читать, то что можетъ сказать русско-туземный учитель при годовой системѣ обученія. При такомъ положеніи дѣла и результаты русско-туземныхъ школъ не такъ малы, особенно въ Сырѣ-Дарьинской области, гдѣ, благодаря только заботамъ С. М. Граменицкаго, дѣло поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Туркестана.

По словамъ г. Горякина, въ Россіи, въ русско-туземныхъ школахъ, на мусульманскіе уроки полагается только одинъ часъ въ день. У насъ, въ Туркестанѣ, гдѣ ученикъ почти всегда поступаетъ со знаніями туземной грамоты, ему, все-таки, удѣляется ежедневно половина времени на мусульманскіе уроки. Если въ младшихъ отдѣленіяхъ отдавать мусульманству 1 или 1½ часа (что будетъ вполне достаточно), а въ старшемъ (четвертомъ) совсѣмъ прекратить отсылать учениковъ въ мусульманскій классъ, учитель,

тѣмъ самымъ, почти вдвойнѣ удлинитъ курсъ русскаго языка. Прибавивъ еще одинъ годъ обученія, замѣнивъ въ городахъ 4-лѣтній — 5-лѣтнимъ и трехлѣтній — 4-лѣтнимъ въ кишлакахъ, при непосредственномъ обученіи старшихъ

отдѣленій туземнаго класса, тѣмъ болѣе, что этимъ не нанесется никакого ущерба мусульманскому обученію (читать и писать по-сартовски ученикъ всегда можетъ научиться въ теченіе 2—3 лѣтъ), получится довольно времени для приобрѣтенія знаній русск. языка. Также необходимо родителямъ поступающихъ дѣтей поставить какой-нибудь ультиматумъ: посылать своихъ дѣтей аккуратно въ школу и не брать ихъ до окончанія полнаго курса. Только крайняя нужда могла бы побудить родителей взять ученика изъ школы, предварительно объяснившись съ учителемъ. Разъ сарты нуждаются въ услугахъ русской школы, то они и согласятся на это, тѣмъ болѣе, что все это дѣлается лишь для ихъ пользы. Этимъ бы не только урегулировались занятія въ школѣ, но и основалась бы первая ступень къ обязательному обученію сартовъ.

Проектированныя городскія училища для сартовъ, въ младшихъ отдѣленіяхъ которыхъ, на ряду съ русскимъ, будетъ мусульманское обученіе, а въ старшихъ лишь русское, — значительно улучшитъ образованіе сартовъ.

При обращеніи большого вниманія на мусульманскій курсъ по новому методу, потребуется составленіе элементарныхъ учебниковъ на сартовскомъ языкѣ по ариѳметикѣ, географіи, краткой русской и сартовской исторіи и друг. наукамъ. Систематическое прохожденіе такого курса на сартовскомъ языкѣ при посредствѣ составленныхъ учебниковъ, настолько подвинетъ развитіе дѣтей, что много облегчитъ дальнѣйшее ученіе ихъ въ русскомъ

классѣ. При такой постановкѣ мусульманскаго класса, въ послѣдствіи само собой произойдетъ совершенное отпаденіе его отъ русскаго въ отдѣльную новометодную мусульманскую школу при русскомъ училищѣ. Здѣсь могли бы учиться дѣти туземцевъ отъ восьмилѣтняго возраста и проходить программу обученія на своемъ родномъ языкѣ, и съ окончаніемъ поступать въ находящееся

при ней русское училище. Такимъ образомъ, русское училище освободится отъ лишняго балласта—мусульманскаго класса, отнимающаго у него время, и приобрететъ въ кончающихся новометодную школу хорошо развитыхъ учениковъ, что и значительно облегчитъ дальнѣйшее ихъ образованіе. Въ такіе новометодные мактабы можно назначать сартовъ, скончившихъ курсъ въ открытыхъ для нихъ городскихъ училищахъ и пробывшихъ продолжительное время практикантами при новометодной школѣ. Сами же новометодныя школы при русскихъ училищахъ послужатъ прототипомъ для будущихъ реформъ мактабовъ стараго образца!

Кончившіе курсъ такихъ школъ не могутъ сразу быть переводчиками при канцеляріяхъ приставовъ и др. низшихъ учрежденіяхъ, такъ какъ плохо говорятъ по русски, и родители ихъ, прекрасно понимая нужды своихъ дѣтей, оставляютъ ихъ еще учиться на годъ. Черезъ годъ вполне годные въ переводчики и др. должности, киргизскіе юноши, вслѣдствіе малаго количества свободныхъ и еще меньшаго числа незанятыхъ вакансій при городскихъ училищахъ, не имѣя воз-

можности примѣнять свои знанія на практикѣ, забываютъ то, что съ трудомъ получили въ школѣ. Прекрасно сознавая это, администрація доставила возможность имъ поступать въ писаря къ аульнымъ старшинамъ. Но такъ какъ писарямъ при аульныхъ старшинахъ почти всегда приходится употреблять лишь киргизскій языкъ, то знаніе русскаго языка, безъ упражненія въ немъ, опять—таки скоро испаряется. Вообще же администрація—пристава вполне освѣдомлены въ затрудненіяхъ примѣнить въ жизни знанія учениковъ русско-киргизскихъ школъ. Нерѣдко при канцеляріяхъ приставовъ занимаются нѣсколько такихъ юношей, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ каго-нибудь вакантнаго мѣста.

При такомъ положеніи дѣла учителя русско-киргизск. школъ давно поднимали вопросъ объ основаніи городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, а на первое время—хотя расширить настоящіе интернаты при городскихъ училищахъ. Съ открытіемъ городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, наступитъ новая эра инородческаго образованія. Это настолько бу-

детъ крупный шагъ въ прогрессѣ образованія киргизъ, что лишь будущее въ состояніи будетъ оцѣнить все заслуги этого великаго дѣла.

Если въ каждомъ уѣздномъ городѣ открыть городское училище съ интернатомъ для киргизскихъ мальчиковъ на 50 человекъ (вслѣдствіи интерната можно расширить) и принимать въ него кончившихъ курсъ русско-киргизскихъ школъ, то представится возможность имъ продолжать учить-

ся дальше и не искать каких-нибудь мѣстъ писаря. Въ такомъ училищѣ безусловно не должно имѣть мѣста мусульманское обученіе, какъ и въ существующихъ издавна интернатахъ при городскихъ училищахъ. Для практики въ русскомъ языкѣ необходимо принимать русскихъ мальчиковъ.

Главнымъ же образомъ, должно быть обращено вниманіе на воспитаніе учениковъ. Замѣчается, что пріобрѣтенныя киргизами знанія русскаго языка и письменности служатъ только средствомъ для эксплуатаціи своихъ же собратьевъ подъ видомъ „закунчи“ (законовѣда), „арзачи“ (писателя прошеній), „тильмача“ (переводчика) и друг. Далѣе они научаются веѣмъ русскимъ порокамъ. Это не только стало фактомъ для населенія, заставляющимъ его коситься на это, но и для администраціи, почти не принимающей туземцевъ на отвѣтственные мѣста переводчиковъ и др. Вотъ почему здѣсь, при образованіи киргизъ, необходимо и воспитаніе его, иначе только получится безнравственный паразитъ и эксплуататоръ своего же народа.

Кромѣ городскихъ училищъ, нужныхъ для киргизъ, сами русско-туземныя школы требуютъ нѣкоторыхъ улучшеній.

Въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ обыкновенно находятся русско-киргизскія школы, давно проектируется учителями пріемъ, поощряемый даже инспекціей: принимать русскихъ мальчиковъ въ свою школу для совмѣтнаго обученія съ киргизскими учениками. При этомъ практичномъ способѣ замѣчается быстрое усвоеніе киргизами русскаго языка. Но лучше

было бы, если въ каждую русско-киргизскую школу принимать 2—3 русскихъ мальчика (въ селѣ всегда найдутся нѣсколько такихъ, съ охотою согласившихся учиться въ интернатѣ), которые много помогутъ въ дѣлѣ усвоенія русскаго языка. И если интернаты лишатся 2—3 свободныхъ мѣстъ, за то пріобрѣтутъ значительныя улучшенія въ языкѣ.

Недостаточенъ также [3—4-лѣтній курсъ обученія, тѣмъ болѣе, что ученики сами это сознаютъ и остаются еще на одинъ или два года. Мусульманская грамота вполне успѣшно можетъ проходить вечеромъ, подъ руководствомъ своего вѣроучителя. Этимъ учитель выиграетъ время вдвойнѣ и результаты будутъ вполне хороши.

Крупная ошибка русско-киргизскихъ школъ состоитъ еще въ томъ, что киргизскіе мальчики учатся мусульманской грамотѣ по сартовскимъ книгамъ — азбукѣ Сеидъ Расуля и христоматіи Калинина. Такимъ образомъ, мы сами идемъ на встрѣчу сартамъ и играемъ имъ въ руку по ассимилированію киргизъ. Между тѣмъ киргизскій и сартовскій языки принадлежатъ, вообще, къ разряду тюркскихъ, настолько различны, какъ одного славянскаго корня — русскій и болгарскій.

Вотъ почему, крайне необходимо перевести учебники — азбуку и христоматію на киргизскій языкъ, чтобы въ русско-киргизской школѣ духу не было сартовскаго. При переводѣ учебниковъ, конечно, не примѣнима русская транскрипція — пойдетъ арабскій алфавитъ.

Въ настоящее время наблюдается особенное массовое „осар-

тиванье" киргизъ, близко живущихъ къ кишлакамъ. Получается особый типъ „чалаказакъ“ (смѣсь сарта съ киргизомъ). Такой типъ уже съ фанатизмомъ сарта и въ большинствѣ случаевъ, съ большимъ, является, зачастую, кулакомъ населенія и ревностнымъ ненавистникомъ русско-туземной школы.

„Чалаказакъ“ по большей части пользуется нелюбовью самихъ киргизъ, какъ отступникъ отъ киргизской старины, а за свою безсовѣтную пронырливость и качество ненавистенъ населенію.

Въ ассимилированіи киргизъ сильно вліяютъ сартовскія книги и школы, поучившись въ которыхъ киргизъ выходитъ съ запасомъ сартовской закваски.

Вотъ почему, пока еще сарты мало забрали духовно несчастныхъ киргизъ, намъ необходимо обратить особенное вниманіе на ихъ образованіе и открывать для нихъ не только русско-туземныя школы, но и городскія училища. Этимъ мы добьемся, что киргизы, какъ все, такъ и русское образованіе будутъ получать, исключительно, лишь у насъ. Дѣло это облегчается еще тѣмъ, что сами киргизы ищутъ настрѣчу своимъ нуждамъ, неся трудовыя копейки на открытія школъ для своихъ дѣтей. Но здѣсь замѣчается крайне безпечное отношеніе къ этому. И вотъ уже сколько лѣтъ, какъ „гуляютъ чимкентскія денежки“, собравныя киргизами на школы. На нихъ давно можно было бы открыть городское училище, и хорошіе результаты такой школы, разохотило бы населеніе для созданія ему подобнхъ. Теперь же, наоборотъ, слышно, что населеніе поговариваетъ о возвращеніи де-

негъ, собранныхъ ими на проектированныя чимкентскія школы... Нельзя не удивляться несчастной канцелярской волокитѣ въ дѣлѣ образованія киргизы! А сарты все продолжаютъ работать на счетъ ассимилированія...

Нѣтъ, какъ можно болѣе школъ, городскихъ школъ нужно способнымъ киргизамъ—единственному аборигену Туркестана, сочувственно относящемуся къ попеченіямъ правительства о его умственныхъ нуждахъ!

Говоря вообще о русско-туземныхъ школахъ, нельзя не упомянуть и объ ихъ учителяхъ.

Учителя русско-туземн. школъ получаютъ образованіе въ туркестанской учительской семинаріи, гдѣ настолько порядочно проходятъ программу курса, что дальнѣйшая ихъ учительская дѣятельность почти не прибавляетъ имъ теоритическихъ знаній по школѣ. Лишь практика обученія и самая жизнь дополняютъ ихъ специальность. Вліяніе руководящаго начала инспектора, особ. я литература для русско-туземн. школъ и съѣзды не играютъ никакой роли въ жизни учителя, такъ какъ ихъ нѣтъ... Вотъ почему, учитель всегда глубоко цѣнитъ и помнитъ семинарію.

Съ назрѣвшими нуждами школъ необходимы, конечно, и вполне освѣдомленные учителя не только въ знаніи сартовскаго языка, но и, вообще, въ мусульмановѣдѣніи, а въ частности — въ знакомствѣ съ умственными нуждами и задачами сартовъ и киргизъ, также съ ихъ бытомъ, нравами и обычаями.

Конечно, недавнее расширеніе семинарской программы, введеніе гигиены въ курсъ обученія хотя и похвальны, но изученіе мусульма-

новѣдѣнія и сартовской, и киргизской жизни, безъ предвзятыхъ цѣлей (какъ необходимое пособіе въ жизни русско-туземныхъ учителей), также необходимо, тѣмъ болѣе, что это легко выполнимо такъ какъ во главѣ семинаріи стоитъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Туркестана. А изъ отдѣльныхъ кусочковъ востоковѣдѣнія, которые даютъ воспитанникамъ семинаріи преподаватели сартовскаго и переидекаго языковъ, лишь можно вынести совершенно прерватныя познанія о бытѣ инородцевъ.

Нельзя также не обратить вниманія на практическіе уроки сартовскаго языка, даваемые сартомъ-практикантомъ. Мало, вѣдь, быть сартомъ, чтобы учить по-сартовски—нужно знать и методику преподаванія, и, къ сожалѣнію, изъ столь важнаго предмета получается мало толка: практикантъ не зная ни слова по-русски, сейчасъ прекрасно говоритъ на этомъ языкѣ, а семинаристы еле-еле лепечуть по-сартовски.

Въ четвертомъ классѣ, когда способности и наклонности воспитанниковъ вполне опредѣляются, можно впередъ предназначать однихъ въ русскія, другихъ въ русско-туземныя школы, обративъ на послѣднихъ особенное вниманіе, чтобы въ русско-туземныя школы они входили во всеоружіи нужныхъ здѣсь свѣдѣній.

Вообще же нельзя не пожелать воспитанникамъ семинаріи побольше реальности и энергіи, а не идеальности, съ которой, на первыхъ шагахъ самостоятельной жизни, они получаютъ чувствительные удары самолюбію во времена назначеній...

Итакъ, съ знаніями, которыя

получаетъ воспитанникъ семинаріи, онъ вступаетъ въ жизнь—школу. Одни изъ учителей увеличиваютъ полученныя свѣдѣнія, въ тѣсномъ общеніи съ населеніемъ и нуждами школы; другіе, совершенно изолируя себя отъ народа, довольствуются тѣмъ, что дала имъ семинарія и опытъ жизни, третьи, не интересуясь, вообще, школьнымъ дѣломъ и позабывъ, что ими приобрѣтено въ семинаріи, исполняютъ свои обязанности русско-туземнаго учителя такъ, какъ Богъ на душу положитъ...

Въ каждомъ русско-туземномъ училищѣ, кромѣ русскаго учителя, обучающаго дѣтей только русскому языку, грамотѣ и счету, есть еще туземный учитель-мусульманинъ, обязанности котораго заключаются не только въ томъ, чтобы научить дѣтей своихъ собратьевъ мусульманской грамотѣ, но и главное—руководить нравственнымъ воспитаніемъ учащихся и, по мѣрѣ возможности, сближать дѣтей съ русскими и внушать имъ, что русскіе кромѣ добра имъ ничего не желаютъ, и что знаніе, получаемое ими въ русско-туземной школѣ, не только полезно для нихъ, но и въ немъ нѣтъ ничего предвзвѣдительнаго для мусульманъ. Такимъ образомъ, туземный учитель является главнымъ посредникомъ сближенія между русскимъ учителемъ и туземцами-учениками. И горе, когда самъ туземный учитель зараженъ ярмы фанатизмомъ...

Современные туземные учителя-киргизы не соответвуютъ цѣлямъ русско-киргизскихъ школъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ получили свое образованіе у сартовъ. Съ открытіемъ город-

скихъ училищъ для сартовъ и киргизъ, само собой устранится надобность брать туземныхъ учителей со стороны. Въ кончающихся такія школы, мы получимъ нужныхъ намъ туземныхъ учителей, соответствующихъ задачамъ нашихъ школъ.

Не мѣшаетъ также обратить вниманіе на матеріальное обезпеченіе туземнаго учителя. Работая наравнѣ съ русскимъ учителемъ, а подчасъ и больше, онъ получаетъ, въ среднемъ, 15 рублей въ мѣсяць. При такомъ положеніи дѣла даже сторожъ при школѣ является лучше обезпеченнымъ, чѣмъ „домулла“, получая, на всемъ готовомъ, 12 руб. въ мѣс...

Говоря вообще о русско-туземныхъ учителяхъ, самъ собой является вопросъ: пользуются ли учителя симпатіями и престижемъ туземнаго населенія? На это олять-такъ можно отвѣтить лишь обратившись къ внутреннимъ убѣжденіямъ сартовскаго народа. Считаая русскаго ниже себя, сартъ уважаетъ (бсится) только того изъ русскихъ, кто имѣетъ какую-нибудь власть. Предъ властью сартъ и лебезить, и льститъ, и на все согласенъ, хотя въ душѣ и прокликаетъ ее. Такъ какъ учитель не имѣетъ никакой власти, то сарты относятся къ нему съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Часто случается, что учитель, имѣя нѣсколько лѣтъ близкихъ сосѣдей, сартовъ, не говоритъ съ ними ни слова. Правда, нѣкоторые учителя, знающіе хорошо мусульманство, вызываютъ со стороны населенія удивленіе, но оно сводится не къ уваженію учителя, а къ порицанію: „знаетъ хорошо мусульманство, а до сихъ поръ русскій“...

При такомъ положеніи дѣла учителя сами должны придти себѣ на помощь посредствомъ съѣздовъ. Они необходимы имъ такъ, какъ нужны русско-туземныя школы инородцамъ Туркестана. На съѣздахъ, собравшись со всѣхъ концовъ Туркестана, русско-туземные учителя обсудятъ назрѣвшія нужды школы и выяснятъ дальнѣйшія задачи ея, пересмотрятъ руководство и, вообще, рѣшатъ все, въ чемъ они затрудняются, въ чемъ задумываются. Лишь съѣзды учителей, знающихъ и понимающихъ свое дѣло, могутъ правильно урегулировать внутреннюю организацію школы.

Вотъ почему, въ настоящей статьѣ я не сказалъ о матеріальномъ обезпеченіи русскаго учителя и, только слегка, коснулся преобразованій школы, метода преподаванія и руководства—это дѣло съѣздовъ. При правильной организаціи съѣздовъ, это само собой выяснится.

Сейчасъ, по всей Россіи устраиваются съѣзды: генераль-губерна-

торовъ, городскихъ головъ, воспитателей кадетскихъ корпусовъ и др., а у насъ—приставовъ, арык-аксакаловъ и проч., но и нужны съѣзды русско-туземныхъ учителей, назрѣвшія нужды школъ, которыя требуютъ скорѣйшаго урегулированія ихъ, сообщая, всеми.

Будучи же въ нѣкоторомъ родѣ представителемъ русской власти и носителемъ не только культуры, но и государственнаго престижа, русско-туземные учителя давно имѣютъ право на съѣзды. Приставскіе же съѣзды, гдѣ они, иногда, обсуждаютъ, кромѣ своихъ дѣлъ и русско-туземныя, конечно, не могутъ намъ принести много

пользы, такъ какъ мало знакомы съ нуждами школь.

На съѣзды у учителей найдется много времени—каникулы, православныя и мусульманскіе праздники. Можно даже два раза въ году устраивать съѣзды: мѣстные и вестуркестанскіе. Съѣзды, при полномъ сборѣ русскіхъ и туземныхъ учителей, настолько опредѣлятъ нужды и задачи нашихъ школь, что потребуется особый инспекторъ русско-туземныхъ школь, въ чемъ и наблюдается крайняя необходимость, такъ какъ особенности нужды и задачъ русско-туземныхъ школь діаметрально противоположны русскимъ.

Полагаемъ, что вопросъ о съѣздахъ, каждый изъ русско-туземныхъ учителей давно признавалъ цѣлесообразнымъ и крайне необходимымъ, и на наше заявленіе откликнется со всѣхъ концовъ широкаго Туркестана.

Учительскіе съѣзды, своей продуктивной работой, навѣрное, вызовутъ и съѣзды инспекторовъ, также крайне необходимыхъ.

Вотъ, тогда, при помощи съѣздовъ, ясно выработавшихъ дальнѣйшія задачи русско-туземныхъ школь и необходимыхъ въ нихъ назрѣвшихъ реформъ, при неуклонномъ надзорѣ и руководствѣ вполне освѣдомленныхъ, опытныхъ инспекторовъ и горячей, плодотворной работѣ учителей, возможно создать тотъ типъ школь, о которыхъ писалъ первый устроитель Туркестана, генеральный Кауфманъ.

Саранчевыя комитеты въ Ферганѣ,

Статья графа Толбукина.

Саранча въ Сыръ-Дарьинской и Самаркандской областяхъ какое то неминуемое бѣдствіе не поддающееся никакимъ усиленіямъ человека къ ея истребленію. Специалисты разныхъ ведомствъ спорятъ между собой о преимуществахъ тѣхъ или иныхъ мѣръ борьбы съ нею. Распорядительная власть передается отъ одного ведомства другому, въ надеждѣ на лучшій успѣхъ. а это маленькое насѣкомое, какъ будто, издѣвается надъ геніемъ человека и, погибая массой въ ежегодной войнѣ съ людьми, оставляетъ послѣ себя такое обширное потомство, которое требуетъ напряженія опять такого же, если еще не большаго, силъ къ противодействию ея хищническихъ инстинктовъ.

Большая полемика въ мѣстной печати возникла по этому вопросу между г. Женжуристомъ и г. Понятовскимъ: одинъ доказываетъ цѣлесообразность страхованія посѣвовъ отъ саранчи, и съ этимъ нельзя не согласиться. Другой настаиваетъ на необходимости усиленной борьбы по истребленію саранчи, и это также не подлежитъ отрицанію. Одно другому не мѣшаетъ, а, наоборотъ, помогаетъ. т. к. сумма страховыхъ платежей освободила бы земскую кассу отъ необходимости ежегоднаго ассигнованія громадныхъ суммъ на эту борьбу и всѣ расходы покрывались бы изъ приходовъ той же саранчевой кассы. Но главный вопросъ заключается не въ томъ, на сумму какого кредита вести

Русско-туземная школа и ее роль въ исторіи куль- турнаго развитія Фер- таны.

Вместо введенія.

Напечатавъ статью „Гибель 700 тыс. руб.“ *), я былъ вполне увѣренъ, что ждаты на нее опроверженія по существу было бы крайне парадоксально, ибо автору опроверженія явилась бы необходимость категорически отрицать за имѣющимся у меня документомъ, закономъ присущую ему правоту.

Тогда возникъ бы въпросъ о лояльности дѣйствій г. инспектора, такъ какъ пришлось бы легализировать мотивы, побудившіе его подписать завѣдомо ему ложный документъ.

При такихъ условіяхъ официальное лицо, — глава района, естественно было бы компрометировано, на что, быть можетъ, нѣтъ острой необходимости и на что (при допущеніи противнаго) не рѣшится ни одинъ подчиненный, а тѣмъ болѣе авторъ извѣстныхъ читателю „замѣчаній“.

Но случайно узнавъ, что г. инспекторъ и учителя вѣрснаго ему района, якобы, готовятъ опроверженіе, я рѣшилъ приостановить на время выпускъ своихъ статей. Конечно, меня совершенно не интересовали взглядъ и протестъ г. инспектора, такъ какъ я уже имѣлъ счастье, (по имѣющимся у меня документамъ), познакомиться съ его дѣятельностью настолько, что заранее могъ опредѣлить характеръ предполагаемаго опроверженія.

Меня, главнымъ образомъ, заинтересовало: въ какую форму выльется протестъ цѣлой, объединенной одной идеей, корпорации учителей, и какіе будутъ выдвинуты ими мотивы для разрѣшенія щекотливаго вопроса?

И что же? Къ моему удивленію я читаю открытое письмо **), гдѣ группа учителей, только изъ деликатности къ своему начальству, вѣжливо, но неопредѣленно, протестуетъ противъ нѣкоторыхъ деталей моей статьи; въ результатѣ же чуть ли не создаютъ изъ своего опроверженія рядъ дифирамбовъ.

При такихъ условіяхъ, я оставляю за собой нравственное право приступить къ дальнѣйшему ознакомленію читателя съ тѣмъ, какую злую иронию надъ долгомъ представляетъ изъ себя вѣдомство народнаго образованія нашей отдаленной окраины.

При обычныхъ условіяхъ выяснять вопросъ, что лежитъ въ основѣ народной школы, и какое она имѣетъ значеніе въ жизни государства, мнѣ кажется, было бы напрасной тратой времени и труда.

Въ свое время, когда рационально устроенная школа бойкотировалась даже въ привилегированныхъ кругахъ общества, вопросъ этотъ былъ, конечно, не послѣдней важности и нуждался въ всестороннемъ его освѣщеніи.

Теперь было бы вполне достаточно, если бы я напомнилъ читателю, что въ основѣ всякаго государства, залогомъ его культурнаго процвѣтанія, его цѣннымъ достояніемъ—является школа.

Но, разсматривая вопросъ о постановкѣ народнаго образова-

*) «Турк. Кур.» № 110.

**) «Турк. Кур.» № 123.

нія въ Ферганской области, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, русско-туземную школу, которая въ исторіи своего возникновенія имѣетъ чисто-субъективные особенности; почему, мнѣ, кажется, коснуться отчасти нѣкоторыхъ деталей такой школы будетъ умѣстнымъ и теперь.

Русско-туземная школа, конечно, обязана своимъ возникновеніемъ наличности тѣхъ условій, какія создало присоединеніе Туркестанскаго края къ Россіи. Туркестанъ сдѣлался однимъ изъ нашихъ владѣній, которыя нужно было подчинить общему государственному строю,—наложить колоритъ нашего вліянія. Этого требовала не только политика государства, но это былъ и нашъ прямой долгъ.

И Россія не отклонилась ни на одну югу отъ выполненія роли культурнаго и гуманнаго завоевателя дикой страны съ ея своеобразно-культурнымъ населеніемъ.

Почти съ первымъ днемъ присоединенія края совпадетъ и начало разрѣшенія вопроса о возможно-скорѣйшей реорганизации Туркестана, который хотя и имѣлъ свою вѣковую культуру, но она такъ была односторонне своеобразна, что оставаться къ ней индифферентнымъ,—значило бы явно грѣшить противъ исторіи.

Нужны были крупныя реформы.

Мы видимъ, что на поприщѣ реорганизации края выдвигаются лучшія культурныя силы государства.

Мы видимъ въ лицѣ дѣятелей на этой почвѣ—людей, глубоко преданныхъ важной и интересной государственной работѣ, которые не только ярые противники „Прокрустова ложа“, но еще являются истинными выразителями сла-

вянской морали, приверженными сторонниками гуманной политики Россіи.

Эти труженники стремятся къ тому, чтобы представить слияніе двухъ народовъ самой исторіи, способствуя лишь культурному развитію страны, и только такимъ способомъ создавая благодатную почву для слиянія и насажденія нашей культуры.

Такимъ образомъ, программа нашихъ дѣйствій въ краѣ была строго опредѣлена, и оставался только выборъ въ средствахъ, способствующихъ успѣшному выполненію означенной программы.

Но вся сложность задачи заключалась въ томъ, что нужно было избрать средство, которое вмѣстѣ со своею радикальностью совмѣщало бы въ себѣ и „среду“ нашей политики по отношенію Туркестанскаго края.

Слѣдовательно, въ средствахъ приходилось разбираться съ большою осторожностью, тѣмъ болѣе, что изученіе края сдѣлало очевиднымъ, что для достиженія указанной цѣли придется вести упорную борьбу съ міросозерцаніемъ туземца.

На сцену выступалъ фанатизмъ во всей своей силѣ. И этого было вполне достаточно, чтобы сознать всю трудность предстоящихъ работъ, и ту оппозицію населенія, которой должна сопровождаться наша реформаціонная работа.

Нельзя было внушить туземцу признаніе надъ собой нашего авторитета, когда этому явно противорѣчили его убѣжденія и нарушались догматы его вѣрованій, на стражѣ которыхъ стоялъ шаріатъ съ его ревностными толкователями. А если не признанъ авторитетъ, то объ извѣстномъ воздѣйствіи и благотворныхъ результатахъ воздѣйствія не можетъ

быть и рѣчи.

На ряду съ такимъ сильнымъ факторомъ, какъ фанатизмъ, стоялъ не менѣе мощный врагъ нашихъ культурныхъ замысловъ—это обскурантизмъ.

Мы видимъ, что онъ, несмотря на двадцатипяти-лѣтнюю съ нимъ войну цивилизаціи запада, является еще и теперь одной изъ главныхъ, замедляющихъ культурное процвѣтаніе края, причинъ.

Мѣстный туземецъ, кажется, рѣдкій представитель народности, которая бы такъ вѣрно оберегала предвѣріе своего невѣжества, и всеми мѣрами старалась парализовать всякую возможность отрѣшенія отъ своихъ явныхъ заблужденій.

До настоящаго времени мы являемся очевидцами того, какъ властенъ въ странѣ обскурантизмъ.

Вотъ уже проходятъ вѣка, а самыя популярныя, самыя опредѣленныя науки, какъ астрономія, географія, естествознаніе, успѣвшія въ своемъ развитіи на материкѣ Европы достигъ полного расцвѣта и призвать подъ свое знамя не одинъ народъ, здѣсь еще покоятся на семи китахъ, отъ которыхъ уже сотни лѣтъ отрѣшился цивилизованный міръ.

Мало того, лучшія и даровитыя силы изъ туземной среды не только не стремятся вывести народную массу изъ невѣжества и уяснить пагубность оппозиціи, но, наоборотъ, пользуясь своей популярностью, становятся во главѣ той же самой оппозиціи, руководятъ ею и парализуютъ всякое свободное проявленіе мысли,

До настоящаго времени мы не можемъ привить туземной средѣ, исключая, конечно, единичныхъ случаевъ, цѣнныхъ благъ и достояній Европы, даже имѣющихъ въ своемъ примѣненіи чисто утилитарный характеръ.

Такъ, напримѣръ, всматриваясь въ мѣстную агрикультуру, кустарное производство, мы видимъ, что они въ своемъ развитіи ушли не очень далеко.

Туземецъ явно не прогрессируетъ даже въ той области, которая является его стихіей.

О томъ же, что бы ждать отъ струссы туземца своей электричества, перу, стѣшными предметомъ первой необходимости культурнаго челоука, было бы даже неумѣстно.

До, является ли необходимость говорить съ электричествомъ, парѣ, когда такія проявленія свободнаго творчества, какъ живопись, скульптура, долѣе, какъ до арабесокъ или грубыхъ надгробныхъ статуй и по сей день прогрессируютъ только въ смыслѣ техники ихъ производства, но стѣудь не своимъ содержаніемъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ, когда міросозерцаніе челоука умшленно стѣсняется на точкѣ замерзанія, мысль заключается въ строго-опредѣленныя рамки и парализуется въ моментъ переходенія границъ послѣднихъ,—прогрессъ не мыслимъ.

Наконецъ, уже по одному тому, что представляетъ изъ себя туземное населеніе теперь и въ какой степени оно воспримчиво къ цивилизаціи запада, можно судить, насколько былъ силенъ фанатизмъ и обскурантизмъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ и,

несколько неблагоприятны были условия для реорганизации края.

Я не имѣю въ виду болѣе или менѣе культурные центры Туркестана съ ихъ единичными представителями туземнаго населенія. Последніе хотя не настолько сепарировались, чтобы совершенно переродиться, но все же прислушиваются къ голосу Запада и въ некоторыхъ случаяхъ вторятъ ему. Но эти, такъ сказать, ухватившіе за хвостъ цивилизацію, — единицы, за которыми кроется сердце народа, которое, главнымъ образомъ, и должно служить объектомъ нашей политики.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ же въ минимальномъ масштабѣ духовную природу туземца, приходится констатировать, что положенная въ основу культурнаго развитія страны борьба съ убѣжденіями, съ неувѣжествомъ была вполне правильна.

Какова же заслуга первыхъ работниковъ въ краѣ, которые орудіемъ борьбы съ убѣжденіями избрали не слово и мечъ, а вполне достойное культурнаго государства орудіе — школу.

Она одна, строго охраняя святость чужихъ убѣжденій и уваженіе къ нимъ, могла путемъ сопоставленія истины съ заблужденіемъ пробудить въ народной массѣ сознаніе, поборотъ неувѣжество, почему на насъ и было возложена эта трудная задача.

Съ этой цѣлью разрабатывается новый типъ школы, какова и есть школа русско-туземная (конечно, только по своей идеѣ, а не въ видимой реальнсти).

Последняя, являясь единственнымъ представителемъ культурнаго міра въ отдѣленныхъ отъ центра мѣстахъ обширнаго края, должна была служить какъ бы апостоломъ просвѣщенія и проводникомъ нашего вліянія.

Завлекать въ свои стѣны юношество, быть руководительницей взрослыхъ, воспитать въ насслѣдніи довѣріе къ завоевателямъ и оттѣснить своимъ авторитетомъ далеко на задній планъ туземную школу — вотъ была главная задача русско-туземной школы и программа ея дѣятельности.

Можно сказать съ увѣренностью, что при такихъ условіяхъ государство уже имѣло бы въ лицѣ туземцевъ края не дикихъ фанатиковъ, а культурныхъ гражданъ, вѣрныхъ сыновъ отечества.

Но не такова дѣйствительность. До сего времени всѣ начинанія правительства встрѣчаютъ въ той или другой степени оппозицію населенія, а представители учебного вѣдомства, на коихъ возложена важная государственная задача, преподносятъ правительству такіе отчеты, какъ „замѣчанія по обривизованію русско-туземныхъ школъ инспекторомъ въ 1908 г. 13 января 1909 г.“ *)

*) Само же государство не застраховано отъ того, что ему придется вторично посвятить страничку своей исторіи возстанію туземцевъ, какое не такъ давно имѣло мѣсто въ Ферганѣ.

Здѣсь я не исключаю возможность возмущенія населенія, носящихъ чисто революціонный характеръ или характеръ простого недовольства, это одно изъ орудій борьбы и объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто.

Говоря другими словами, государство, благодаря исключительно нерадивую лицу, на которых возложена важная задача, потеряло более двадцати лет, и разрешение вопроса о культурном поднятн области наталкивается на более крупные препятствия, чѣмъ они были вначаль.

Нужно только видѣть, съ какой

неохотой соглашается населеніе области на открытіе русско-туземныхъ школъ, и къ какимъ средствамъ нужно прибѣгать, чтобы возстановить ихъ авторитетъ среди населенія, хотя въ той мѣрѣ, кѣкимъ она пользовалась въ моментъ своего возникновенія.

Тогда рус.-туз. школа была для страны новинкой, и ея, еще не испытанная дѣятельность, интересовала туземцевъ. Но школа, показавъ себя во всей своей неприглядной реальности, получила въ глазахъ населенія должную оцѣнку.

И теперь для борьбы съ невѣжествомъ правительству придется развернуть свой фронтъ значительно шире, такъ какъ является еще необходимость въ искорененіи того антагонизма, кото-

Но анджанское возстаніе имѣло своей цѣлью полное отложеніе Ферганы и возстановленіе ханства, что является продуктомъ грубаго невѣжества туземнаго населенія, чего я при наличности школъ не допускаю.

Отсюда явно слѣдуетъ, что школа не позаботилась даже ознакомить населеніе съ истиннымъ величьемъ силъ Россіи. И народная масса, на ряду съ яснымъ представленіемъ въ обыденной жизни о бесплодности борьбы слабого съ сильнымъ, поддается влиянію едвичныхъ личностей, такъ умѣло воспользовавшихся услугой, ничего не дѣлающей школой и невѣжествомъ населенія.

рый созданъ многолѣтней бездѣятельностью школы.

Я говорю исключительно о бездѣятельности, такъ какъ ни система, ни задачи, ни тенденція русско-туземной школы не вооружаютъ населеніе такъ, какъ ея полная непродуктивность, и исполненіе роли паразита.

И дѣйствительно, можно ли винить въ этомъ ферганскаго туземца? (Когда даже компетенція и аргумента г. инспектора своими „замѣчаніями“ явно присоединяется къ послѣднему и вторитъ ему).

Съ него берутъ десятки тысячъ рублей для того, чтобы построить главнымъ образомъ, въ его интересахъ, школу, которая пребываетъ школой лишь только потому, что се посѣщаетъ разъ въ семь лѣтъ для минутныхъ ревізій не чиновникъ акад. знаго вѣдомства, а инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области.

Въ какую же форму могло вылиться влияніе такой школы на отдаленныя мѣста Ферганы, гдѣ критическій умъ не получилъ еще должнаго развитія и гдѣ школа является единственнымъ показателемъ нашей въ краѣ дѣятель-

ности?

Можно сказать съ увѣренностью, что въ давномъ случаѣ школа оказала правительству медвѣжью услугу.

Каждый туземецъ, убѣдившись, что „русскіе апостолы“, кромѣ матеріальнаго ущерба, ничего другого не приносятъ и еще порож-

даютъ разныя недоразумѣнія*), считають школу своимъ врагомъ, прикладывая эту мѣрку къ нашей культурной работѣ и не въ области просвѣщенія.

Туземцу теперь, кажется, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ, организація медицинской помощи (между нами будь сказано, тоже старшая сестра ферганской школы), все направлено не на благо области, а на достиженіе эгоистическихъ цѣлей государства.

Вотъ почему туземное населеніе до настоящаго времени такъ скептически относится вообще ко всемъ нововведеніямъ, будь даже польза, приносимая ими, вполне очевидна.

Такимъ образомъ, школа запечатлѣвъ своей бездѣятельностью недоувѣріе къ нашимъ начинаніямъ, положила начало новой оппозиціи и тѣмъ самымъ загорюзилась культурное процвѣтаніе Ферганы.

*) Заполненіе кншланныхъ школъ контингентомъ учащихся вѣряется администраціи, безъ услугъ которой школы бы большей частью были пусты. Участіе администраціи въ сборѣ учениковъ вполне понятно, такъ какъ прямое учебное начальство находитъ совершенно достаточнымъ на донесенія учителей объ отсутствіи учащихся дѣлать такія резолюціи: «строго предписываю исчерпать все мѣры къ привлеченію дѣтей въ школу». И учитель, не зная этихъ гл. ственныхъ „мѣръ“, обращается къ мѣстной администраціи, которая почему то даже стала считать своей обязанностью собирать учениковъ въ школу (изъ имѣющейся официальной переписки).

При такомъ положеніи вещей въ Ферганской области, конечно, ничего не выиграло правительство, если не сказать, что проиграло очень многое.

Уже одно то, что вѣренная извѣстѣй корпораціи людей государственная работа, послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ ея сффициально-блестяшаго существованія, въ результатѣ вылилась въ форму извѣстныхъ намъ „зомѣчаній“, ясно указываетъ правительству, какъ выполнялись его напоряженія, и какъ профанировалась его воля.

Если въ школахъ отсутствовали по 2—7 лѣтъ какія бы то ни были ревизіи, которыя входятъ въ одну изъ прямыхъ обязанностей г.г. инспекторовъ*), и которыя ассигнуются, не подлежащая контролю, средства, — то можетъ ли вѣрить правительство руководителямъ учебного дѣла въ краѣ, что ими не только не было въ интересахъ самого дѣла проявлено личной инициативы, но и не было въ дѣятельности ихъ радѣнія самаго зауряднаго чиновника.

А такое явленіе, кромѣ очевиднаго бреда, ничего другого принести не можетъ. Правительство, затрачивая силы, время, крупныя средства, имѣло въ виду параллельно съ преобразованиемъ области, сдѣлать ее не обременительной для себя и не объек-

) Явное нарушеніе закона.

томъ исключительно материнской заботы.

Открывая населенію доступъ къ цивилизации Запада, правительство уже тѣмъ самымъ развивало внутреннія силы области и дѣлало ихъ трудоспособнѣе. Съ поднятіемъ умственного уровня населенія, естественно, началась бы и ея сознательная жизнь.

Оно стало бы стѣвчнѣе не есъ нужды государства, тѣсно бы соединило свои личные интересы съ интересами послѣдняго и тѣмъ способствовало процвѣтанію Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Началась бы рациональная эксплуатация богатствъ области своими собственными силами, что безъ смѣнѣнія первымъ долгомъ благотворно отзывалось бы на матеріальной сторонѣ населенія.

Дѣлѣе, является, острая потребность въ орудіяхъ производства, служащая вѣрнымъ импульсомъ къ развитію фабричной промышленности по всей Россіи, слѣдовательно, и явное обогащеніе цѣлаго государства.

Наконецъ, съ постепеннымъ культурнымъ развитіемъ Ферганы, развились бы и ея духовные запросы, и тогда интеллигентный трудъ находитъ здѣсь истинное свое примѣненіе и развитіе.

И, если мы видимъ теперь, что Фергана хотя отчасти измѣнила свою физиономію и въ недалекомъ будущемъ станетъ на путь прогресса, то это только потому что наряду съ вѣдомствомъ народного образованія стоятъ и другія вѣдомства.

Правда, нужно сознаться, что

многое очевидцами котораго мы являемся и что служить достояніемъ области, отчасти достигнуто не путемъ убѣжденій и личной инициативы населенія, а есть результатъ предъявленія категори-

чески требовавіи властью.

Но развѣ при наличности значенныхъ школъ мыслима какая-нибудь другая система реформы области, когда только одна школа исключала репрессию.

Откажись правительство отъ присужденій принципиально, исключительно разсчитывая на русско-туземную школу, можно было бы сказать съ увѣренностью, что г. инспектору Ферганской области пришлось бы ликвидировать свои дѣла, т. к. большая часть школъ была бы давно закрыта.

И это было бы вполне справедливо, ибо субсидировать школы, которыя не дѣлаютъ выпусковъ, а допускаютъ лишь одни крупные перерасходы, даже не благоразумно.

Такимъ образомъ, дѣлая краткій обзоръ дѣятельности русско-туземныхъ школъ Ферганы, видимъ, что онѣ, кромѣ однихъ разочарованій, поглощенія колоссальныхъ средствъ ничего другаго государству не дали. А населеніе отнюдь не представляетъ изъ себя благодатную почву для нашихъ преобразованій, почему и насажденіе культуры и реформы области носятъ далеко не тотъ характеръ, какой правительство имѣло въ виду при открытіи въ краѣ первыхъ школъ.

Теперь спрашивается, какую же роль сыграла низшая школа Фер-

ганы въ глазахъ правительства и народа?

Отвѣтить на это предоставляю самому читателю.

Тѣхъ же, кто вздумаетъ доказывать, „что двадцать школъ при всемъ желаніи не могутъ обелуживать нужды цѣлой области и было бы страннымъ при такомъ положеніи вещей требовать отъ школъ чего то особеннаго“, я пока вкратцѣ познакомлю съ

тѣмъ скромнымъ матеріаломъ, который имѣется у меня для подобныхъ возраженій.

Начну съ того: подобное заявленіе вполне справедливо и я склоненъ къ нему присоеди- няться, но только не при тѣхъ условіяхъ, свидѣтелями которыхъ мы являемся.

Если бы господа инспектора служили дѣлу и, подавая собой примѣръ, этого требовали отъ своихъ подчиненныхъ, тогда бы число школъ, конечно, превысило бы цифру 20. Но въ дѣятельности начальства этого добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу въ дѣйствительности нѣтъ. Школы, даже неподалеку расположенныя отъ резиденціи инспектора, ревизуются послѣднимъ разъ въ 7 лѣтъ.

Тогда, какъ отдаленныя мѣста всего Туркестанскаго края посѣщаются гораздо чаще господиномъ Туркест. генераль-губернаторомъ.

И дальше: степень строгости, безпристрастія и длительности инспекторскихъ ревизій далеко не зависятъ отъ положенія дѣла

въ той или другой школѣ, а главнымъ образомъ, находится въ тѣсной связи съ чѣмъ то другимъ, мнѣ совершенно непонятнымъ.

Это мы наблюдаемъ и теперь надъ ферганскимъ инспекторомъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго, я категорически заявляю, почему г. инспекторомъ не была произведена вторая ревизія нѣкоторыхъ школъ, тогда какъ ревизовались смежныя съ ними школы. Мнѣ лично сообщено очевидцами, что одна изъ этихъ школъ, основанная чуть ли не при нашихъ пращѣдахъ, кажется, только въ этомъ году снизошла, наконецъ, къ тому, что подарила населеніе выпускомъ; другая же

школа чуть ли ни возмущаетъ собой не только мѣстнае населеніе, но и корпорацію самихъ учителей. Мнѣ кажется, что для такого опытнаго инспектора, который одной мимолетной ревизіей*) всесторонне знакомится съ общимъ состояніемъ района, не могло быть неизвѣстнымъ то, что знаетъ совершенно постороннее лицо и что долженъ былъ знать инспекторъ по первой своей ревизіи.

Но почему то г. инспекторъ не находитъ нужнымъ побеспокоить завѣдывающихъ тѣхъ школъ и попросить ихъ выслушать нѣсколько, хотя и неприятныхъ, но нужныхъ замѣчаній.

Или г. инспекторъ вообразила

*) 2 или 3 часовую ревизію школы для новаго инспектора считать иначе, какъ мимолетной не могу и противъ всякаго возрожденія имѣю на готъ вѣ всегда рядъ аргументовъ.

уже себя директоромъ цѣлой дирекціи (дѣтя его фантазіи) **), гдѣ должны быть три подчиненныхъ ему инспектора, которые и поспѣшатъ доложить его высокородію о состояніи ввѣренныхъ имъ районовъ, а онъ—глава дирекціи многозначительно начертаетъ: „объявляю учителю N строгій выговоръ съ занесеніемъ въ формуляръ и строжайше предписываю исчерпать все мѣры къ поднятію авторитета школы...“

Вьюга.

Пчеловодство въ Андижанскомъ у.

Пчеловодство въ Андижанскомъ уѣздѣ за послѣдніе два года растетъ гигантскими шагами. Число пасѣкъ перешагнуло далеко за 200 и все еще продолжаютъ поступать заявки на пасѣчные мѣста г.г. лѣсничимъ.

Несмотря на такой быстрый ростъ пасѣкъ, пчеловодство находится въ печальномъ состояніи. Причиной неудачъ является неумѣніе пчеловодовъ вести пасѣчные хозяйства, незнаніе пчеловодствѣнія и неорганизованность сбыта продуктовъ.

Большинство пчеловодовъ продаютъ свой медъ въ городѣ Андижанѣ

**) Г. инспекторъ не будетъ отрицать того и самъ, т. е. въ первую ревизію почти всемъ учителямъ сообщалъ о своихъ геніальныхъ замыслахъ пре бразо авія инспекціи въ дирекцію, гдѣ будутъ подчинены ему инспектора, а онъ—руководитель дирекціи.

за безцѣнокъ и лишь немногіе дѣлаютъ попытки экспортировки.

Какъ слышно за это дѣло намѣренъ взяться Русско-Китайскій банкъ; т. е. брать на комиссію медъ и выдавать ссуду до 60% минимальной его стоимости. Если это вѣрно, то пчеловодамъ остается только благодарить банкъ за большую услугу. Въ настоящее время многіе пчеловоды находятся въ жестокихъ матеріальныхъ затрудненіяхъ.

Неудача пчеловодовъ началась уже съ прошлаго года вслѣдствіе необыкновенной засухи въ городѣ.

Пчеловоды, если только большинство изъ нихъ позволительно такъ назвать, въ концѣ іюня сильно подрѣзывали своихъ пчелъ. Въ іюль ограничился взяткомъ, пчелы не могли оправиться отъ подрѣзки пчеловодовъ невѣждъ и за отсутствіемъ медосбора занялись грабежемъ. Многія семьи были разграблены совершенно. Большинство же пошли на зиму ослабѣвшими, безъ достаточныхъ запасовъ корма, къ тому же въ крайне примитивные мшанники.

Получился громадный уронъ.

По выставкѣ весной (отъ 15—20 марта) пчелы стали быстро поправляться, завели много червы.

Въ началѣ апрѣля выпалъ снѣгъ и продержалъ пчелъ въ ульяхъ около 10 дней и благодаря отсутствію запасовъ меда, пчелы осыпались во многихъ ульяхъ совершенно а въ остальныхъ отчасти.

Погибло много дѣтки, появилась сухость и плесня. Въ результатѣ слегъ наиболѣе пострадавшихъ. Были попытки подкормки, но пчелы отъ неумѣнія пчеловодовъ или прокисшаго меда еще скорѣе погибали. Рои-